

В. СОРОКИН*

Аварон**

* * *

«...можно сказать, что большевики тоже боролись с незавершенностью мира и с человеческой природой — за нового человека. Правда, понимание свободы у этого человека отличалось от “свободы” Шлегеля, фон Кляйста или Шумана... Практически вся эпидемия неистовой борьбы в СССР привела к закреплению человека внешне и внутренне...» (2009)

* *Владимир Георгиевич Сорокин* (р. 1955) — русский прозаик, сценарист, драматург, художник. Один из наиболее ярких представителей московского концептуализма и соц-арта в русской литературе.

** Из сборника рассказов «Пир».

9 сентября 1937 года немке Эсфирь Семеновне опять соврали урок: только она принялась диктовать диктант «Mein Lieblingsbuch», как весь 5-й «Б» загудел. Она выбежала в слезах.

— Робя, фашизм не пройдет! — закричал Петух и поднял сжатый кулак.

В классе все знали, что у Петуха отец воюет в Испании.

— Пошли в «Ударник» на «Арсена»! — предложил Вовка Фрумкин.

— Уже дважды смотрели, — зевнул Серега Голова. — Айда по домам.

— Робя, она за директором поползла, — сел на парту Сальников. — Лучше остаться.

— Вот и сиди здесь, Сало. — Петух вытянул из парты портфель. — Петък, пошли с девятым домом в расшибец порежемся. Они там за котельной с утра до ночи духарятся.

— Я — домой. — Петя положил учебник и тетради в свой портфель желтой кожи, застегнул.

— Петь, оставайся. — Сальников качался на парте. — Будем с фашистской гадиной воевать.

— Guten Tag. — Петя вышел в пустой школьный коридор.

В нем было прохладно и сильно пахло краской. Возле двух белых бюстов Ленина и Сталина стояли корзины с цветами.

— Петък, погоди! — Андрюша Скуфин догнал Петю. — Чего так рано домой? Пошли выжигать!

— Неохота. — Петя спускался по лестнице, стучая себя портфелем по коленям.

— Чего ты вареный такой? — Скуфин остался стоять наверху. — От отца есть чего?

— Не твое дело. — Петя потянул дверь, вышел на улицу.

В Лаврушинском переулке было чисто и жарко. Солнце серебрило неряшливые тополя, уже тронутые желтизной, сверкало в створе открытого окна писательского дома. Полная женщина мыла другую половину окна.

Петя вышел на набережную.

Здесь было тоже жарко, чисто и пусто.

«Сказал на свою голову, — вспомнил Петя Скуфина. — Теперь каждый раз пристаёт, дурак. Хорошо, что про мать не знает».

Он добрал до Малого Каменного моста, посмотрел на работу молодого регулировщика в белом кителе и белом шлеме, перешел через мост.

На «Ударнике» по-прежнему висели две афиши — маленькая «Арсен» и большая «Ленин в Октябре». Петя уже трижды посмотрел «Арсена» и дважды «Ленина в Октябре».

Недавно покрашенная крыша «Ударника» сверкала серебром. Петя направился к большому серому дому, возвышающемуся над куполом «Ударника», но вдруг остановился.

«Сейчас начнется! — хмуро подумал он. — Опять из школы сбежал?! Прогуливаешь? В физиономию захотел?!»

Бабушка шла на него, сворачивая жгут из розового полотенца. — Ты думаешь, без родителей я тебе шалберничать позволю?!

Петя сплюнул, посмотрел на свои окна. В столовой занавешено, как всегда. В детской открыто. Наверно, Тинга вырезает своих кукол.

Он сделал еще несколько шагов и остановился.

Рядом стоял подвижной лоток с газировкой. С трех мокрых стаканов на алюминиевом подносе стекала вода. Солнце тяжело светило в перевернутом стеклянном конусе с вишневым сиропом. Худая продавщица с желтыми кудряшками из-под белой пилотки и с папиросой в стальных зубах сонно глянула на Петю.

Он сунул руку в карман и тут же вспомнил, что денег нет.

«Каждую копейку теперь надо беречь!» — бабушка очень часто стала пересчитывать оставшиеся деньги и прятала их в новом месте — не в китайской шкатулке отца, а в своей коробке с орденом.

— Ну что, истребитель? — хрипло спросила продавщица. — Полный потянешь аль половинку?

Петя повернулся и побрел через проезжую часть — на ту сторону.

Фонтан по-прежнему уже вторую неделю не работал, на скамейках сидели редкие люди. По клумбе ходили голуби.

Петя добрел до ближайшей скамейки и плюхнулся на нагретое солнцем крашеное дерево. Положил желтый портфель на колени. Замок портфеля глупо улыбался.

— Дурак... — Петя плюнул в латунную морду замка.

На лавочке возле клумбы засмеялась девушка. Парень в футболке что-то быстро, но негромко рассказывал ей. Она смеялась, облизывая эскимо, зажатое двумя круглыми вафлями.

— Дура... — Петя зло посмотрел на девушку.

Нагретая полуденным солнцем, Москва была полна дураков.

Петя дернул себя за кончик пионерского галстука, посмотрел на портфель. Замок по-прежнему улыбался сквозь слюну.

— Скройся, гад! — Петя плюнул так сильно, что слюна попала на галстук.

— Бесполезно. Слюны не хватит, — раздался спокойный голос рядом.

Петя повернул голову.

На другом конце скамейки сидел мужчина в светло-сером костюме с такого же цвета шляпой на голове.

— Его только плавильная печь исправит. — Мужчина подмигнул Петину портфелю, снял шляпу и стал быстро обмахиваться ею. — Сентябрь, а духота как в июле. Хоть бы картошкин дождичек ливанул...

Он был неопределенного возраста, лысоватый, с узким сухощавым лицом.

«Кондуктор какой-то», — подумал Петя.

— Ну что, Петь, допекла тебя бабишка — потная пипишка? — спросил незнакомец. — Ладно бы за дело грызла, старая. А то ведь со страху бесится — как бы завтра за ней не пришли. А была-то раньше неробкого десятка — зам. начальника политотдела армии. Не баран чихал. В девятнадцатом под Херсоном, когда белые прорвались и Бураквичюса ранило, она шестерых из маузера застрелила. Потом, когда Городовиков с бригадой подошел, она Парфенова перед строем лично расстреляла. А теперь без вале-рьянки не засыпает. Кому она нужна?

Петя недоверчиво смотрел на незнакомца. Больше всего его удивляло, что тот знает тайное прозвище бабушки «бабишка — потная пипишка», которое Петя придумал не так давно, бормотал только про себя и не говорил даже сестренке Тинге.

— Вы из НКВД? — спросил Петя.

— Не совсем. — Незнакомец достал пачку «Казбека», быстро закурил.

Его руки, глаза, губы — все было быстрое, подвижное; но в быстроте этой не было никакого беспокойства, наоборот, был какой-то тяжкий покой, нарастающий с каждым движением.

— А откуда вы знаете про... — начал было Петя, но незнакомец перебил его, со свистом выпустив дым из узких губ.

— Я все знаю, Петя. Знаю, что ты живешь вон в том Доме Правительства, в квартире сто пятьдесят. Что ты хочешь стать эпроновцем, моряком-подводником. Что ты смертельно поругался с Ундиком, а Володю сломал затылком палец. Знаю, что ты любишь теребить соски, чтобы уснуть быстрее. Знаю, что тебе уже двенадцатый раз снится папа с деревянными руками. Знаю, что ты зашил в подушку Тайную Пионерскую Клятву, сокращенно ТПК. И в этой ТПК семь пунктов. Первый — никогда не плакать. Второй — встретиться лично с товарищем Сталиным. Третий — собирать материалы на врагов папы. Четвертый...

— Вы... гипнотизер? — прошептал покрасневший Петя.

— Не совсем. — Незнакомец смотрел на клумбу серо-голубыми, ни на секунду не отставившими глазами.

— Вы знаете, где мои родители?

— Знаю.

- Они в Бутырках?
- Нет.
- В Лефортове?
- Твоя мама в Лефортово.
- А папа? Его же раньше арестовали, тридцатого июня.
- Папа не в Лефортово.
- А где?
- В Бутово.
- Это что, тюрьма?
- Это место под Москвой.

Петя облизал пересохшие губы. Девушка доела мороженое и кинула остатки вафли голубям. Парень стал гадать ей по руке.

— А почему тогда у бабушки в Лефортове деньги не приняли? — спросил Петя.

— Неразбериха. Тюрьма переполнена. Твоя мама в камере номер семьдесят четыре. На втором этаже.

- Правда?
- Я всегда говорю правду.

Петя растирал пальцами слюну на замке портфеля.

— Скажите... а я... а за что их арестовали? Они враги?

— Нет. Они не враги.

— А за что тогда?

Незнакомец кинул папиросу в громоздкую черную урну.

— Вот что, Петя. Петр Лурье. Я могу тебе помочь. Могу сделать так, что твою маму выпустят.

— А папу? — выдохнул Петя.

— С папой сложно. Но маму — могу. Но с одним условием. Если ты мне сегодня поможешь в одном важном деле.

— Вы шпион?

— Нет. Я не шпион, — хрустнул тонкими сильными пальцами незнакомец. — Скажи мне, только быстро — да или нет? И не тяни время. Его и так в обрез.

— А вы... вас как зовут?

— Аварон.

— Вы... армянин?

— Не совсем. Ну, так — да или нет? Быстро, Петя.

Незнакомец встал. Он был среднего роста, худощавый и неуволимо-сутулый.

— Да, — сказал Петя и тоже встал.

— Тогда поехали. — Незнакомец поднял стоящий у скамейки пухлый портфель и пошел к трамвайной остановке.

Петя со своим портфелем поспешил за ним.

Они молча доехали до Казанского вокзала.

Отстояв небольшую очередь, Аварон сунул мятую пятерку в окошко кассы:

— Удельная, два билета.

— А это далеко? — спросил Петя.

— Не задавай вопросов. — Получив билеты, Аварон зашагал к седьмому пути.

Они вошли в последний вагон электрички, сели на свободную скамью.

Ехали молча в переполненном вагоне. Люди стояли в проходах.

— Пионер, уступи место, — посмотрела на Петю полная дама в панаме.

— У него арестовали отца и мать, — громко сказал Аварон, не глядя на даму.

Дама замолчала.

В Удельной вышли. Аварон глянул на часы.

— Еще полчаса. Пошли.

Миновали поселок с рынком и одноэтажными домами, прошли сквозь сосновый перелесок и оказались возле небольшой церквушки. Рядом с ней возвышался небольшой пригорок, поодаль терялось в зелени заросшее кладбище. Возле церкви толпились народ, в основном пожилые женщины.

Аварон взошел на пригорок и сел на траву:

— Садись.

Петя опустился рядом.

— Сейчас начнут, — прищурился Аварон на церковь. — Значит, слушай меня внимательно, Петр Лурье. Когда начнется акафист, ты войдешь в церковь. И встанешь напротив иконы Параскевы Пятницы. И будешь стоять и смотреть. Запомни, мне нужно только то, что упадет на пол. Понял?

Петя ничего не понял, но кивнул.

Вскоре пару раз робко протренировал церковный колокол, двери храма открылись, и толпа полезла внутрь.

Аварон раскрыл свой портфель и вынул толстый моток бечевки на стальном пруте. Он сделал из бечевки петлю, надел Пете на шею. Бечевка была смазана чем-то жирным.

— Это солидол? — спросил Петя, чувствуя возбуждение, нарастающее с каждой минутой.

— Нет. Это натуральный жир, — пробормотал Аварон. — Иди. И ничего не бойся.

Петя встал. Бечевка натянулась.

Петя осторожно пошел к церкви.

Аварон, сидя на холме, держал прут с мотком бечевки в руках, неотрывно следя за Петей. Бечевка медленно разматывалась.

Спустившись с холма, Петя подошел к двери церкви. У входа толпились не попавшие внутрь. Он приблизился к их спинам.

«Как же я пройду?» — успел подумать он и прикоснулся своим телом к толпе.

Едва это произошло, по телам толпящихся старух, женщин и стариков пробежало что-то вроде вялой судороги, и Пете показалось, что все они всхлипнули спинами.

Толпа зашевелилась, расступилась, впуская в себя неуютно-невидимый клин.

Петя понял, что клин — это он сам. Ноги его вспотели и прогнулись, как резиновые, он словно заскользил на коньках по горячему и очень приятному льду; сердце его билось тяжело, но очень-очень редко, и между каждым ударом роем накатывали мелкие, щекочущие слова и мысли, разлетающиеся приятными радугами и ниспадающие очередным ударом сердца.

Сделав несколько резиновых скольжений, Петя оказался в центре храма; петля на шее сильно натянулась, бечевка запела басовой струной. Петя понял, что моток размотан, и там, на пригорке Аварон держит обеими руками голый стальной прут с привязанной бечевкой.

Дышать стало тяжело, но страха не было, наоборот, — непередаваемый восторг силы охватил Петю, он улыбнулся и осмотрелся по сторонам. Вокруг, стоя на коленях, молились верующие. Батюшка быстро читал что-то по книге, стоя неподалеку от небольшой темной иконы. Именно этой иконе молились все собравшиеся.

Петля совсем сильно сдавила Петино горло, он открыл рот и вдруг издал громкий ключевой звук.

Вокруг потемнело; стены церкви выгнулись сферой, молящиеся стали бесформенными темными кучами; в этих кучах что-то двигалось, собиралось, напрягалось, перестраивалось, набухало — и из куч сладко выдавливались светящиеся молитвы. Извиваясь, они медленно текли к иконе.

Икона тоже изменилась. Ее квадрат стал совсем белым, изображение пропало, растворяясь в ровном белом свете иконы. Свет этот не был похож на обыкновенный, — он тек наоборот, к источнику, поглощая исходящие из куч молитвы.

Молитвы были разные: одни напоминали извивающихся змей, другие выдавливались из куч светящимися шарами, третьи вились бесконечной спиралью, некоторые имели форму сцепленных колбас, некоторые были прямыми и тонкими, как копыя. Все они светились зеленовато-голубым и всех их поглощал квадрат иконы, как пылесос.

Поглощение это заставляло Петю прощально вздрагивать, но не телом, а чем-то тяжелым и родным.

Вдруг по кучам прошло движение, они перестали выдавливать молитвы, расступились, и в сферу храма, опираясь на четыре кучи, проник большой темно-вишневый шар.

— Безногого Фроловича принесли! — почувствовал Петя слоистые покальвания слов.

— Заступник наш...

— Стратотерпец... отошал-то как, Господи...

— Слышь, его опять Моисеевы приволокли...

— А Наташка больше горбатиться не хочет, во как...

— Помолись за нас, окаянных, Фролович...

— Отступите, православные, дайте ему место...

Шар остановился в центре храма. Кучи замерли в ожидании. По шару пошли складки, он сжался, вгибаясь. Из его центра выползла толстенная, прямая, как бревно, молитва и поплыла к иконе.

В диаметре молитва Фроловича была больше иконы и гораздо толще всех предыдущих молитв. Белый квадрат всосал ее в себя, но не поместившиеся в поле иконы сегменты срезались о края квадрата и бесшумно попадали на пол.

Это напомнило Пете процесс изготовления бруса на Кунцевском деревообрабатывающем комбинате: круглое бревно, проходя сквозь прямоугольно выстроенные циркулярные пилы, превращается в брус, а четыре края отваливаются. Эти края в плотницком деле назывались горбылем и шли обычно на заборы.

Отвалившиеся от молитвы Фроловича куски лежали на полукруглом полу и медленно сгибались, словно огромные стружки. Цвет их из сине-зеленого стал грязно-голубым, потом оливковым с розовыми вкраплениями.

Петя двинулся к остаткам молитвы.

Он совсем не чувствовал бечевку на шее, только за плечи и ключицы его держала восторженная сила.

Он поднял все четыре куска и прижал к груди. Они были никакие и не вызвали у Пети никаких чувств.

И сразу восторженная сила потянула его назад. Петя с удовольствием повиновался, поехал на своих резиновых коньках, но, к удивлению, выйти из церкви ему оказалось гораздо труднее, чем войти в нее. Вокруг все изгибалось и дробилось радугами теребящих слов, слипающихся в вязкое слоистое месиво. Петя словно всплывал спиной к выходу сквозь многослойный мед. Вдруг что-то неродное чувствительно лопнуло, и Петя оказался на улице возле пахнущей купоросом двери храма.

— Сюда иди! — раздался голос с холма.

Петя с трудом разжал стиснутые зубы, открыл рот и жадно втянул в себя вечерний воздух. Руки его были согнуты и прижимали к груди пустоту. Петя посмотрел на них как на чужие.

— Держи! Если бросишь — все пропало! — крикнул Аварон.

Петя ничего не чувствовал в руках.

Он повернулся к пригорку и ощутил боль в груди, шее и плечах. Солнце зашло.

Аварон стоял на пригорке.

— Сюда иди! — снова позвал он Петю.

Петя двинулся к нему. Несмотря на боль, он чувствовал в себе силу, бодрость и нарастающий с каждым шагом разрешающий покой.

— Не торопись, — посоветовал Аварон, когда Петя взошел на пригорок.

Быстрые руки сняли с Петиной шеи обрывок бечевки.

— Хорошо. Теперь в Москву поедем. Ты прижимай, но не сильно.

— А я... там... это... там в этом... — с трудом заворочал одеревеневшим языком Петя, но Аварон перебил его:

— Держи, держи! Пошли.

Они спустились с пригорка. Оба портфеля остались лежать там.

Аварон шел слева позади, правой рукой поддерживая мокрую от пота спину Пети. Петя напряженно смотрел под ноги, словно искал место, куда бы уложить свою ношу. Он тяжело дышал.

— Говорю — не спеши, — придерживал его Аварон.

Они осторожно двинулись через вечерний поселок. В приземистых домах желтели окна, детвора носилась в полумраке, слышались женские голоса и угрюмое мужское пение под гармонь.

— А что там... это... когда было... — тяжело выдавливая слова, заговорил Петя.

— Все хорошо. — Аварон направлял его рукой, как пьяного.

— А веревка? Лопнула?

— Лопнула, — кивнул Аварон.

Трое ребятишек сидели на заборе и грызли семечки.

— Дядь, а вы кинщик новый? — спросил один.

— Нет, я не кинщик, — ответил Аварон.

На станции валила толпа с подошедшей электрички. Старухи торговали цветами и семечками. Низкорослая продавщица запырала магазин на большой амбарный замок. Рядом кривоногий худой шофер задвигал в хлебный фургон деревянные противни.

Аварон подвел Петю к магазину.

— Закрывает уже, — покосилась на них продавщица и сунула ключ в карман жакета.

— Отвезите нас в Москву, — обратился Аварон к шоферу.

— А чего такое? — Шофер задвинул последний противень. — Еще лектрички ходят.

— Нам очень нужно.

— Да мне на базу. — Шофер закрыл жестяные двери фургона.

— Болен, что ли, малой? — полусонно спросила продавщица.

Аварон молчал.

— Так вам, может, «скорая» нужна? — Шофер заломил кожаную фуражку. — До Малаховки могу подвезти.

— Нам очень нужно в Москву.

— Не, до Малаховки.

— Ладно, пошла я. — Продавщица косолапо побрела прочь.

— Садитесь, — шофер кивнул на фургон. — Гражданин, у вас покурить не будет?

— Я не курю, — ответил Аварон и стал помогать Пете забраться в кабину.

Когда уселись, шофер завел мотор, вырулил к переезду, встал у опущенного шлагбаума.

Петя сидел между шофером и Авароном, держа руки у груди и напряженно глядя вперед. Аварон вжался правым боком в дверь, стараясь не коснуться того, что Петя прижимал к груди. Высокий лоб его покрылся испариной, по вискам из-под шляпы тек пот.

Шофер недовольно покосился в открытое окно, сплюнул:

— Слышь, как я с куревом-то обмишурился? Алеха-воха...

Загудел приближающийся паровоз, поползли бесконечные вагоны с углем.

— Это что, вроде падучей? — кивнул шофер на Петю.

— Нам надо скорей в Москву, — ответил Аварон. — Я заплачу.

— Да это понятно... — Шофер устало вытер лицо загорелой рукой.

Состав прошел, горбатый старик поднял шлагбаум.

Фургон поехал дальше.

Шофер включил фары и замычал какую-то мелодию.

Петя смотрел вперед. Но не ровную, освещенную фарами дорогу видел он. После прохождения через поселок Удельная в Петином теле еще больше прибавилось деловитого покоя. Руки его налились беззвучным гудением, из центра груди по телу расходились послушные волны силы, и тело ответно пело в такт их движению. В голове у Пети было ясно. Он все понял. Пот струился по его спине, а в остекленных глазах повторялась одна и та же сцена: мать на кухне в ночной рубашке зачерпывает снег из таза, лепит снежки и раскладывает на политем маслом противне.

— К ужину нагрянут, а у меня еще конь не валялся, — улыбается она.

В Малаховке шофер притормозил, почесал лоб.

— На три чекушки дадите?

— Дам, — ответил Аварон.

— Была не была! — затрещал передачей шофер. — Скажу — ремень лопнул... Куда вам в Москве-то?

— Никольская, — Аварон отер пот с висков носовым платком.

— Никольская? — важно нахмурился шофер. — Где это?

— Красную площадь знаете?

— А то как же?

— Прямо на нее выходит. Я покажу.

— Ужо так.

Когда выехали на шоссе, он бодро поскреб подбородок нечистым прокуренным ногтем.

— Читали третьего дня в «Правде»? Про вредителей?

Аварон не ответил.

Шофер по-бабьи покачал головой:

— Что делали, суки рваные!

До Москвы ехали молча.

— Так вам на Никольской-то чего надо? — спросил шофер, выезжая на Котельническую набережную.

— Дом.

— А чего там? Больница?

— Нет.

— А как же... а парень?

Аварон достал бумажник, вынул тридцать рублей, дал шоферу.

— Ага... — Тот сунул деньги под фуражку.

Доехали до Лубянки, свернули на темную Никольскую и, не доезжая слабо освещенной Красной площади, остановились.

— Ежли что перевезти там или чего, то я завсегда, — забормотал шофер. — Через Машу меня найдете. Вы ж с Удельной?

Не отвечая, Аварон вылез, помог Пете. Петя вылезал из кабины медленно.

— Бывай здоров, пионер, — махнул шофер, развернулся, и хлебный фургон затарахтел, рассекая темень фарами.

Аварон повел Петю.

Они обогнули серый массивный дом, пошли по Ветошному переулку. Вскоре Аварон сжал Петино плечо:

— Стой.

Петя остановился.

Аварон подошел к неприметной зеленой двери, отпер ее ключом, открыл.

— Вперед иди.

Петя вошел, шевеля губами. Аварон зажег свет.

Они стояли в небольшой подсобке, заваленной ведрами, швабрами, метлами и лопатами для уборки снега. На всех ведрах было выведено красной краской «РЖЦ».

В подсобке не было окон. Огромная батарея парового отопления растянулась толстой гармошкой во всю стену.

Аварон вынул из кармана вентиль, насадил на штырь крана батареи, с силой повернул. В трубе зашипел сжатый воздух, стена с батареей дрогнула и поехала, открывая темный проем. Аварон мягко подтолкнул Петю. Петя пошел в темноту. Рука Аварона лежала на его плече. Вскоре они уперлись в дверь. Аварон зазвенел ключами, отпер замок, открыл дверь, и Петя зажмурился от яркого света — впереди был полукруглый зал с белыми стенами и розовым мраморным полом. Яркая люстра освещала зал.

В центре зала стоял человек, абсолютно похожий на Аварона и одетый точно так же. Он глянул на Петю все теми же быстрыми глазами, подошел к стене, взялся за стальное колесо сейфовой двери, налег.

Толстая дверь бесшумно отворилась.

Аварон-2 забежал за Петину спину и положил ему руку на левое плечо.

Рука Аварона-1 покоилась на правом.

Вдвоем они направили Петю.

За стальной дверью оказалась винтовая лестница. Втроем они осторожно спустились по ней и оказались в начале длинного бетонного тоннеля, уходящего в полутьму. Здесь стоял на стальных опорах могучий барабан с двумя ручками и намотанной цепью. Цепь блестела от жира.

Аварон-2 взял конец цепи с толстым стальным ошейником, надел Пете на шею и запер на ключ.

Оба Аварона взялись за ручки барабана и произнесли:

— Прямо иди.

Петя шагнул раз, другой и пошел по тоннелю.

Авароны вращали барабан, цепь разматывалась, позвякивая, тянулась за Петей.

Тоннель был длинным. Редкие лампочки тускло освещали его.

Петя шел. Цепь волочилась за ним по бетонному полу. Петино тело внутренне тайно онемело, покой и сила больше не потрясали его, сердце билось тяжело и равномерно, ноги шли сами.

Изменилось и видение матери. Теперь он видел ее стоящей посередине огромного обмелевшего океана, доходящего ей до колен. Мать была одета в свою беличью шубу, в левой руке держала кулек с человеческими зубами, а правой брала зубы, как леденцы, отправляла в рот и громко, с удовольствием грызла.

Впереди показался свет, обозначился проход. Петя вошел в него, поднялся по восьми гранитным ступеням и с трудом понял, что он находится в Мавзолее Ленина.

Сдержанный свет растекался по каменному залу. В стеклянном гробу необычной формы лежал Ленин. В Мавзолее стояла глухая тишина.

За свои 13 лет Петя четырежды побывал здесь. Первый раз — с родителями в три года, когда отца наградили вторым орденом, потом с бабушкой и Тингой, затем со своим классом, сразу после вступления в пионеры, и последний раз — с отцом, перед его выступлением на съезде партии.

Каждый раз Петя чувствовал в Мавзолее что-то грозно-неповторимое, что заставляло думать о непонятном. Входя в Мавзолей, он всегда сильно волновался и искал опоры в сопровождающих. Выходя, он сразу все забывал и, лишь придя домой, вспоминал что-то из увиденного. Лучше всего он помнил цвет лабрадора, которым были отделаны стены. Самого Ленина он почти не помнил.

Сейчас Петя не испытывал прежних чувств. Ему было внимательно тоскливо, и он не понимал, зачем он с цепью на шее пришел сюда.

Желтолицый Ленин в черном костюме вызывал правильную скуку, она нарастала, как стена. Пете впервые за весь невероятный вечер стало очень скучно и одиноко. Он понял, что Аварон ему по-отцовски ошибается, прижал пустоту к груди и сделал три шага вперед. Цепь натянулась, ошейник сдавил горло.

— Пройдет... — прохрипел Петя, и слезы потекли по его щекам.

Уперевшись ногами в скользкий пол, он зло-печально потянулся вперед, но цепь не пускала. Рыдая, Петя рванулся из последних сил. Цепь натянулась и напряглась, как штанга, в голове у Пети прощающе лопнуло красное яйцо, каменный зал изогнулся сферой, стеклянный гроб сжался в равностороннюю пирамиду, засветился мягким фиолетовым светом.

Петя ощутил знакомое по церкви ничто в руках, — обрезки молитвы Фроловича появились, он держал их. Но если тогда, свежесрезанные, они были оливковыми, с розоватыми пятнами, то теперь все четыре куска стали бледно-розовыми, с сеткой бордовых прожилок.

Сфера, сомкнувшаяся вокруг Пети, тончайше завибрировала и издала ровный, приятный, завораживающий и плавно нарастающий звон. Ему ни в чем не было препятствий, он легко прошел сквозь плоть Пети и зазвенел в костях. И кости по-домашнему зазвенели в ответ, и уютный звон этот сочно потряс Петю.

Звук стягивался к пирамиде. Внутри нее сдвинулось что-то, шевельнулось спящее и могучее, и из боковой грани стал плавно вытягиваться фиолетовый Червь.

Он был прекрасен, силен и мудр. Он был старше воздуха, раздвигаемого его божественным телом. Фиолетовые кольца его текли, как тысячелетия, изменчивые узоры покрывали их. Звон сферы объял Червя, словно коконом, и перетек в неземной хорал. Сонм невидимых существ запел в такт движению Червя. И песнь эта рассекала все сущее на Земле.

А Червь все выходил и выходил из пирамиды, и выходу этому не было конца.

Когда же фиолетовые кольца его заполнили все пространство сферы, Червь повел своим прекрасным лицом, ища, и обратил взор на Петю.

И Петя содрогнулся в восторге и замер. Ноги его подкосились, он опустился на колени. Червь приблизился к нему, и Петино сердце раскрылось ему навстречу. И Петя, трепеща, протянул Червя четыре куска.

Прелестный рот Червя открылся, и Червь всосал в себя первый кусок.

И кусок заскользил по телу Червя. И вспыхнул багровым. И дал Червя Новую Энергию Преодоления. И оживил кольца Червя Новым Движением.

И всосал Червь второй кусок.

И рассыпался кусок на мириады пламенных искр во чреве Червя. И пробежали искры по становому хребту Червя. И загорелся хребет Червя Новым Огнем Соответствия.

И третий кусок вошел в рот Червя. И источился во чреве Червя Влагой Вечных Пределов. И утолил Старую Жажду Червя.

А четвертый кусок, едва коснулся губ Червя, исчез сразу. И проглотил Червь Пустоту Пустот. И вошла она в тело Червя. И наполнила тело Великим Покоем Отсутствия.

И удовлетворился Червь. И просиял лик Червя. И потекли бесконечные кольца его в обратном движении.

Червь стал входить в грань пирамиды.

И всем своим существом осознал Петя, что никогда больше не дано ему будет зреть Червя. И, возрыдав, рванулся он к Червя. Но цепь держала его.

А Червь плавно исчезал в сияющей пирамиде, и прекрасный лик его светился сытым светом.

И закричал Петя, и протянул руки к Червя. Но тот исчез в пирамиде, и стала она гаснуть.

Синий треск раздался в Петиной голове. Петя упал и лишился чувств.

Придя в себя, он поднял голову.

Он лежал в Мавзолее на холодном гранитном полу. Стеклоанный гроб с Лениным стоял на своем месте.

Петя пошевелился. Стальной ошейник больно резал шею, из-под него скупом сочилась кровь.

Петя сел. Потом встал. Страшная слабость овладела его телом. Шатаясь, он разлепил губы, сисясь сказать что-то, но изо рта вышел лишь хриплый шепот.

Цепь потянули. Петя попытался назад, к ступеням, ведущим в тоннель. И вдруг почувствовал страшную тоску, и понял, что этот мертвый старик с желтым лицом не стоит мельчайшего узора на божественной коже Червя, а этот Мавзолей, куда идут на поклонение миллионы, всего лишь мертвый дом из мертвых камней.

Ужасная скорбь парализовала Петю.

Цепь тянула его назад, в мертвый мир. Но Петя не хотел туда.

Изо всех сил он уперся, но цепь тянули сильнее, сильнее, сильнее.

Голова Пети запрокинулась назад, он взмахнул руками и с хрипом покотился вниз по ступеням.

Цепь волокла его по тоннелю. Петя скулил и хрипел. Его школьные полуботинки скребли по бетонному полу.

Авароны подтянули его к барабану, сняли ошейник, поставили на ноги. Петю шатало. Колени его подгибались, все плыло перед мокрыми от слез глазами.

Если после церкви он чувствовал в себе восторженную силу, то после Мавзолея на него, как мокрое пальто, навалилась горькая слабость.

Авароны подхватили его под руки и поволокли вверх по винтовой лестнице. Поднявшись, прошли в подсобку. Один Аварон отпер дверь, другой подвел Петю и толкнул. Петя упал на мостовую и заснул.

Проснулся он от хриплого голоса:

— Чевоито ты, паря, тут разлегси? А ну, подымайси.

Петю потрясли за плечо.

Он открыл глаза. Бородатый бритоголовый дворник в брезентовом переднике склонился над ним.

— Напоил, что ль, кто? Али падучая? И-и-и... да ты весь в крови! — Дворник потрогал Петину шею с запекшимися кровью ссадинами.

Петя зашевелился и сел. Двигаться было больно. Он посмотрел на свои испачканные кровью руки.

— А ну-ка... — Дворник стал поднимать его.

Петя вскрикнул.

— Чего? — Дворник поддержал его заскорузлыми руками.

Петя застонал.

— Ступай в больницу, — мягко подтолкнул его дворник.

Петя сделал шаг, другой и побрел, еле переставляя ноги. Обогнув серый дом и выйдя на Красную площадь, он остановился, пошатываясь. Стрелки на Спасской башне показывали четверть шестого. Уже рассвело, но солнце еще не взошло.

В Петиней голове было пусто и тупо. Он равнодушно обвел площадь взглядом, посмотрел на марширующую к Мавзолею смену караула, заметил красный флаг и вспомнил, что живет в Доме Правительства.

— Поправить... — неожиданно произнес он и провел рукой по опухшему лицу.

Проходящийся неподалеку милиционер внимательно смотрел на него.

Петя икнул и заковылял через площадь к набережной. На Васильевском спуске он дважды падал, спотыкаясь о брусчатку. Идти по набережной было легче — здесь стелился асфальт.

Петя брел и брел.

Путь до Большого Каменного моста показался ему бесконечным.

— Ты где ж так приложился? — спросил его прохожий.

Петя зашел под мост, держась за стену, миновал его и, преодолев площадь с редкими машинами, оказался возле своего дома.

Солнце встало и золотило окна десятого этажа. Петя посмотрел на окна своей квартиры. Свет в бывшем кабинете отца горел.

Петя вошел во двор и потихоньку добрел до своего подъезда. Взялся за ручку двери, потянул и понял, что силы оставляют его. Дверь была огромной и тяжелой, как гранитная плита на дедушкиной могиле.

Он потянул изо всех сил. Дверь приоткрылась. Он протиснулся в щель, вошел в полутемный вестибюль. Молодая консьержка спала за столом.

Задыхаясь и балансируя руками, Петя двинулся к лифту. Левую ногу он выставлял вперед, подталкивал правой, затем руками подтягивал правую ногу. Так минут за двадцать он преодолел вестибюль и схватился за ледяную ручку лифта, навалился всем телом. Ручка пошла вниз, лязгнула. Дверь лифта открылась.

Консьержка подняла голову, сглотнула слюну.

— Тебе в которую? — глянула она на Петю и осеклась — она знала, что его родители арестованы.

А Петя знал, что она знает.

Он долго забирался в лифт, закрывая за собой сначала металлическую, потом деревянную двери. Поднес трясущуюся руку к кнопке 5. Нажал. Но тугая, черная, как хоккейная шайба, кнопка не поддавалась. Он взял свою правую руку левой и надавил локтем. Лифт дернулся и громко поехал на пятый этаж.

Петя закрыл глаза.

В голове по-прежнему было пусто и тупо. Колени заспанно дрожали. В груди колыхалась чужая вода. Она была очень тяжелой. Лифт встал.

Петя вывалился из него на лестничную площадку, сполз по гладким ступеням к своей квартире 150 и долго, минут сорок вставал, цепляясь за косяки.

Кнопка звонка, к счастью, оказалась не тугой. Прижавшись щекой к родной двери, Петя слышал, как зашаркали бабушкины шлепанцы.

Дверь распахнулась, но Петя не упал, удержавшись руками за косяки.

Опухшее от слез бабушкино лицо пылало яростью.

— Ты смерти моей хочешь?

Петя тупо смотрел в ее трясущийся, поросший белыми волосами подбородок.

— Я уже дважды в милиции была! — визгливо выкрикнула она.

В глубине квартиры послышалось шлепанье босых детских ног, и в прихожую вбежала шестилетняя Тинга.

— Петюня! А ты с Ундиком на прудах был!

Бабушка разглядела окровавленную шею Пети:

— Погоди... тебя, что... побили?

— Нет, — прошептал Петя.

— Где ж ты был, негодяй?!

— Я... помогал маме и папе...

— Как помогал? Где?

— В церкви. И в Мавзолее Ленина...

Петя оттолкнулся руками от косяков и рухнул на пол.

«Скорая помощь» приехала через пятнадцать минут после бабушкиного звонка. Петю отвезли в Первую градскую больницу. От «Кремлевки» семью Лурье открепили вскоре после ареста отца. Дежурный врач, обследовав Петю, обнаружил двустороннее воспаление легких. Пете вкололи кофеина, дали красного стрептоцида, поставили банки. На следующее утро он умер.

«Ураганная пневмония с двусторонним отеком легких», — написал врач в свидетельстве о смерти.

Умирал Петя в бреду. Последние слова его были: «Пусть сияет».

Петю Лурье похоронили 13 сентября на Смоленском кладбище. Его отец, Виктор Викторович Лурье, заведующий отделом ЦК партии, арестованный 30 июня 1937 года, был расстрелян 1 сентября и погребен ночью в общей могиле близ Бутово.

Петина мать, Марьяна Севериновна Лурье-Милитинская, была арестована спустя полтора месяца после ареста мужа и содержалась в Лефортовской тюрьме.

В конце августа ее стали интенсивно допрашивать. Марьяну сперва не били, как мужа, которому следователь на третьем допросе раздробил каблуком кисть руки и повредил сетчатку глаза. Двое сменяющихся следователей пытали жену Виктора Лурье бессонницей, требуя показаний на мужа и его друзей. Она, комсомольская богиня двадцатых, знаменитая Марьяша Милитинская, терпела, валясь со стула на пол и засыпая хоть на минуту. Следователь будил ее, зажимая рот и нос, и снова сажал на стул под слепящую лампу.

Марьяна продержалась неделю, потом провалилась в глубокий обморок.

Следователи дали сутки ей отоспаться, но потом набросились снова — грубо и жестоко. Они молча раздели ее, привязали к банкетке и стали сечь скрученными электропроводами. Секли по очереди, не торопясь.

Марьяна нутряно рычала, грызла банкетку.

Через два часа бедра и ягодицы ее превратились в сплошную рану. Марьяна потеряла сознание.

Ее облили водой из графина.

— Если завтра не расскажешь про врагов — засечем, — сказал ей следователь.

В камере, лежа на животе на нарах, Марьяна поняла, что завтра ей предстоит умереть. Она проваливалась в тяжелый сон, просыпалась, боясь пошевелиться, вспоминала свою жизнь, мужа, детей, друзей, бурную комсомольскую юность, Ленина и Сталина, революцию и гражданскую войну, первую и последнюю любовь и снова проваливалась.

Наступило завтра.

Но за ней не пришли.

Не пришли и на следующий день.

А еще через два дня ее посетил тюремный врач, осмотрел нагноившиеся раны и насупленно протер пенсне:

— В больничку.

Неделю она провела в тюремной больнице. Когда смогла ходить, ее отвели к новому следователю — спокойному и конопатому. Крутя конопатыми пальцами толстый красный карандаш, он сообщил

ей, что дело ее прекращено за отсутствием состава преступления. И что она свободна.

Восемнадцатого сентября, пасмурным прохладным днем, Марина Севериновна Лурье-Милитинская, прихрамывая, вышла из ворот Лефортовской тюрьмы. Чтобы прожить на планете Земля еще 43 года.